

рецензии

ПОЭЗИЯ

Честные и беспокойные

Павлова В.
Вездес.
М.: Захаров, 2002. – 112 с.
– 3000 экз. (п) ISBN 5-8159-0276-4

Конец минувшего года ознаменовался не столько появлением новых поэтических имен, сколько новыми книгами давно знакомых поэтов. Общая тенденция современного стихотворческого мира прослеживается и здесь: лидируют, как всегда, «разгневанные женщины».

Самая, пожалуй, «раскрученная» из них – Вера Павлова (недаром издается она в «Захарове», где выпускаются, как правило, книги, рассчитанные на коммерческий успех, и где вообще-то поэтов не очень жалуют). Новый сборник Павловой «Вездес» вобрал в себя ее тексты 2000–2002 годов. Кажется, наконец можно отнести от Павловой близорукие и пошлые упреки в «гинекологичности»; напротив, теперь со всей определенностью можно отнести эти стихи к постконкретистской традиции, берущей начало в поэзии Всеволода Некрасова и, еще в большей

Зингер Г.-Д.
Осаждённый Ярусарим.
Иерусалим – М.: Гешарим / Мосты культуры, 2002. – 160 с.
– 1000 экз. (о) ISBN 5-93273-088-9

степени, Яна Сатуновского, но совершающей внезапный «гендерный кульбит»: «Обкусала ногти по локти. / Обкусала локти по плечи. / Стало легче». Впрочем, к гендеру всё не сводится: «На пьедестале почёта / всегда занимаешь чье-то».

Елену Фанайловой один недальновидный аналитик, слишком буквально восприятивший предыдущую ее книгу, отнес к школе «особого цинизма»; горькая ирония, как водится, была не прочитана. Новый сборник поэта «Трансильвания беспокоит» лично для пишущего эту заметку открыл всегда казавшуюся загадочной связь поэтики Фанайловой с тем, что делает ее земляк Александр Анашевич (я не говорю здесь о самоочевидной близости версификационной манеры), – некое единство чувства, гибрид агрессивности и бессильной нежности, «трагизфория» (в терминологии Алексея Корецкого) продуцируется не только разумом, но и самим телом: «Биология была её по лицу, / Говорила: расскажет отцу / Комиссар, улыбнувшись окровавленным ртом, / Пей и сукровицу

Фанайлова Е.
Трансильвания беспокоит.

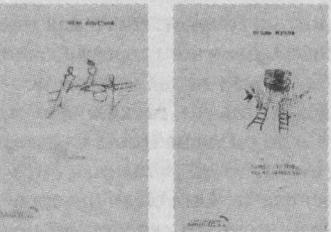
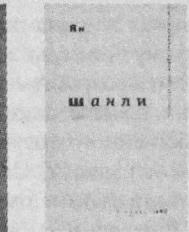
М.: ОГИ, 2002. – 64 с. – 1000 экз. (о)
ISBN 5-94282-111-9

Ян.
Шанли.

М.: ОГИ, 2002. – 64 с. – 1000 экз. (о)
ISBN 5-94282-113-5

и кровцу / Христианских младенцев, макая мацу, / Говорила: опять не о том». Удивительнейшим образом у Фанайловой сочетаются рок-н-рольная жёсткость с умудренностью стоического мировидения.

Один из лучших поэтов Израиля, пишущих на русском языке, Гали-Дана Зингер в своей третьей книге предлагает нам читать поверх языков; русское просторечие и гебраизмы ведут диалог друг с другом, взаимопроникая и смешиваясь. Сам язык Зингер подразумевает диалогическую форму, и на конец диалог проявляет себя, как в цикле «Местоимения» или «моралите» «Изображение растений, камней и воды»; отсюда же – и мотив «подстрочника»: «Так мало осталось того, что по-прежнему бы меня занимало [интересовало], / Возможно само это малое [маленькое] / [сама эта малость] / одно / одно / только и занимает меня / измерением её [его] параметров / периметров] / я занята [занята]

Ахметьев И.
Amores.

М.: ЛИА Р.Элинина, 2002. – 40 с. – Тираж не указан. (о) ISBN 5-86290-002-1

Жуков И.
Потеря совести еще не потеря чести.

М.: ЛИА Р.Элинина, 2002. – 52 с. – Тираж не указан. (о) ISBN 5-901018-06-1

Пригов Д.
Неложные мотивы.

М.: АРГО-РИСК; Тверь: KOLONNA Publications, 2002. – 88 с.
– 300 экз. (о) ISBN 5-94128-069-6

Данила Давыдов

чен, клоунада здесь – механизм разрешения метафизических проблем. Особенность настоящего сборника – очевидное движение Жукова в сторону «новой искренности»: «с ужасом понял: хороших поэтов очень много / денег на всех не хватит».

И еще одна новинка – сборничек Дмитрия Александровича Пригова «Неложные мотивы». В «предуведомлении» Дмитрий Александрович замечает: «учитывая мой «принцип паразитический тип существования в искусстве...» писал разного рода алиби и вариации на стихи чужие», но это, как правило, были вариации на темы канонизированных текстов; здесь же автор обращается к текстам «коллективных современников». Перевевам концептуалиста подверглись в основном авторы безвестные; знакомы лишь имена Юлии Куниной и Александра Самарцева. Принцип преобразования характерен для Пригова: забалтывание, нагнетание заведомо избыточных словесных конструкций, внедрение в текст фрагментов совершенно чуждого прототипу контекста: «Ах, Ольга! Ольга, ты / В моей супружеской оде / Как дикие пласти / Тёмные / Копошащиеся / Зашевелившись вроде / И вроде – ребра, хвост / Чешуи! – Ах, прохвост / Опять под юбку залез».

Остается пожелать поэтам в наступившем году достичь того статуса, который позволит Пригову перевирать их стихи не на правах «современников», но на правах «живых классиков».